

© 2020 г.

Д.В. СЕРГЕЕВ

СОЦИОЛОГИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ-КАРТИНКИ

СЕРГЕЕВ Дмитрий Валентинович – доктор философских наук, доцент, декан факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvsergeev@inbox.ru).

Аннотация. В статье доказывается идея социологизации гуманитарных исследований, что означает использование методов и терминологического аппарата социологии при проведении гуманитарных исследований и презентации полученных результатов. Наука об обществе, непосредственно конкурируя с философией, предстает современным метаязыком для изучения объектов гуманитарных наук. В работе приводятся четыре доказательства объективности для науки указанного процесса. Эффективность социологического подхода демонстрируется на примере попыток определить книжку-картинку как особый жанр иллюстрированной литературы или как объект визуального искусства. Пытаясь определить книжку-картинку классическими методами научного познания через описание отличительных свойств и признаков и отличить ее от других смежных жанров, например комикса, исследователи оказались в понятийном тупике, поскольку это оказалось невозможным, во-первых, в силу сложности различения поджанров графической (последовательной) литературы и, во-вторых, по причине продолжающихся художественных поисков авторов книжки-картинки. Применение терминологического аппарата и познавательных процедур социологии, в частности социологии текста, позволило найти уникальные характеристики книжки-картинки, которые проявляются через выстраивание отношений между взрослым и ребенком в процессе чтения.

Ключевые слова: социологизация • социология текста • культурный текст • иллюстрированная литература • книжка-картинка • комикс

DOI: 10.31857/S013216250008497-9

Постановка проблемы. Со второй половины XX в. гуманитарные исследования заметно и быстро социологизировались. Под этим я подразумеваю использование методов социологии при проведении гуманитарных исследований и социологической терминологии при презентации полученных результатов. Более того, в попытках объяснить особенности изучаемых явлений или причины происходящих изменений исследователи выходят за пределы предметной области собственных дисциплин и обращаются к общественным отношениям как сфере, где они обнаруживают причины анализируемых трансформаций и детерминанты изучаемых явлений, что также ведет к утверждению социологической методологии в исторических, культурологических, искусствоведческих, литературоведческих и иных гуманитарных исследованиях.

В данной работе мне хочется показать, как использование теоретико-методологических ресурсов социологии позволяет решать ряд вопросов в области детской литературы. На примере исследований детской книжки-картинки я покажу, каким образом социологический подход решает проблему определения этого жанра, что позволило выйти из

терминологического тупика, в который исследователи зашли, пытаясь использовать исключительно литературоведческие и искусствоведческие подходы.

Вместе с многочисленными примерами применения теоретико-методологического аппарата социологии в других областях гуманитарного познания я считаю оправданным говорить о полномасштабной социологической революции, происходящей в гуманитарных и философских науках. Она определяется эффективностью используемого подхода и успешностью в получении результатов, что я и попытаюсь осмыслить в данной работе на примере определения книжки-картинки.

Доказательство социологизации гуманитарного знания. На первый взгляд социологический поворот растворяется среди множества других (лингвистический, онтологический, иконический, антропологический, теологический, пространственный, медиальный, визуальный, нарративный и т.д.), на которые столь богаты XX и начало XXI в. Поворотов было столько, что их объявили культурным феноменом XX в. [Савчук, 2013]. В таком контексте социологический поворот рискует утонуть в этом «поворотном море».

Однако на фоне всех этих попыток спасти очередной интеллектуальный проект, чем обычно и объясняются происходящие повороты, социологизация выгодно отличается по ряду причин. Я остановлюсь на четырех доказательствах того, что это действительно серьезный процесс. Во-первых, социологизация произошла во многих и разных гуманитарных областях. Достаточно, на мой взгляд, взять две такие разные области, как история [Трубицын, 2019] и теория перевода [Angelelli, 2012], чтобы показать масштаб этого процесса.

Второе доказательство, вытекающее из первого, заключается в том, что практически каждый раз социологизация отдельной отрасли гуманитарного знания ведет к становлению междисциплинарной области или даже целой науки со своими специфичным объектом и методами исследований. В случае с историей и теорией перевода это обусловило рождение соответственно исторической социологии [Романовский, 2010] и социологии перевода [Wolf, 2007]. Уверен, что инициаторы других методологических поворотов редко могут похвастаться такими же дисциплинарными достижениями.

Более того, в случае с изучением художественных текстов, что составляет предмет анализа данной статьи, можно говорить о появлении сразу нескольких новых предметных областей социологической направленности: историческая социология литературы [Рейтблат, 2009], социология текста [McKenzie, 1999], социальная семиотика [Painter et al., 2013]. Такое разнообразие социологических методологий для исследования одного объекта служит третьим доказательством социологизации как тенденции развития гуманитарной мысли. Ученые постоянно обращаются к такому теоретическому инструментарию, который неизменно подтверждает свою эффективность и результативность в достижении заявленных научных целей.

Наконец, в-четвертых, социологизация гуманитарного знания ведет к тому, что социология претендует на роль современной философии, поскольку наука об обществе становится новым научным метаязыком и эффективной методологической платформой для разных наук. Показательно, что крупные философы сами озвучивают эту проблему: «Новая социологическая отмена философии – вполне серьезный и достойный интеллектуальный вызов» [Розов, 2016: 68].

Безусловно, социологизация в разных гуманитарных науках происходит с неодинаковой скоростью и интенсивностью. В науках, располагающихся близко к предметному полю социологии или разделяющих его, таких как социальная или культурная антропология, этот процесс выглядит естественным и во многом происходит без острых дебатов. Тогда как еще во второй половине XX в. история оказывала острое сопротивление происходящей социологизации собственных исследований [Elton, 1967]. Более того, принятие или отрицание разных теоретических течений, как в случае с марксизмом, могло подталкивать или отвращать исследователей от использования научного аппарата социологии в своих исследованиях. Опять же в разных странах этот процесс определялся несхожими научными традициями, сформировавшимися на всем протяжении XX в. и даже ранее. Более или

менее «мягкая» социологизация истории в США связана с практическими целями, которые преследовались американскими историками после Второй мировой войны. Достижения социальных наук и их более успешная институционализация во влиятельное научное лобби только усиливали этот процесс в американском гуманитарном знании [Barraclough, 1978: 257–258].

Итак, на мой взгляд, приведенные аргументы в целом убеждают в том, что происходящая социологизация гуманитарного знания является объективным для науки процессом. Она охватывает разнообразные области гуманитарных наук и может быть охарактеризована как социологическая революция.

Дискуссия об определении книжки-картинки. Мне хочется показать успешность социологического подхода к гуманитарной проблематике на примере исследований детской литературы, в частности поиска определений книжки-картинки. Чтобы показать эффективность его применения, опишу сначала современный контекст развернувшихся дискуссий.

Термин «книжка-картинка» представляет собой перевод-кальку англоязычного понятия «picturebook». Слово является достаточно молодым (доказательством чего служит орфографическая неустойчивость написания слова в английском языке, отражающая новизну явления: picturebook, picture book, picture-book). Даже если считать, что детская литература в современном нам состоянии зарождается в конце XVIII в. (и тоже может быть признана одним из молодых видов литературы), то появление книжки-картинки относится к самому началу XX в. Одним из первых авторов, создавших книжки-картинки со всеми привычными нам отличительными чертами этого жанра, считается английская детская писательница Беатрикс Поттер (1866–1943). Ее произведение о приключениях Кролика Питера впервые было издано в 1902 г. [Tunnell, Jacobs, 2013: 81–82].

Жанр книжки-картинки интересен как, во-первых, объект художественных практик и, во-вторых, предмет научных дискуссий. Его относительно недолгая история позволяет на достаточно коротком промежутке времени проследить, как разнообразие социальных, культурных, политических, экономических, исторических и иных факторов влияет на появление и последующее развитие культурного явления. Не часто ученый-гуманитарий имеет в своем распоряжении социокультурное явление, которое зарождается и эволюционирует практически на его глазах, что обуславливает ценность подобного объекта изучения.

Кажущаяся несерьезность книжки-картинки в качестве объекта научного анализа опровергается жаркими дискуссиями, развернувшимися по поводу ее природы. Кроме того, оказалось, что книжка-картинка – кроме очевидной ее социальной ценности в процессе образования и воспитания маленьких детей – не легкомысленный жанр. Сложность этого явления литературы и культуры определяется (хотя и не ограничивается) его двойственной природой, поскольку смыслопорождение книжки-картинки является синтетическим процессом, использующим одновременно две знаковые системы – визуальную и вербальную.

Двойственная природа книжки-картинки провоцирует вопрос о принадлежности этого объекта к определенному виду искусства. Ряд ученых, как, например, Кеннет Маранц, относит книжку-картинку к визуальному искусству [Marantz, 1983]. С такой позицией не согласны литературоведы, среди которых, между прочим, также отсутствует договоренность по поводу определения книжки-картинки. В частности, некоторые исследователи рассматривают ее как подвид иллюстрированной литературы [Kümmerling-Meibauer, 2006: 276; Whalley, 2004: 318]. Такая точка зрения утверждает книжку-картинку как дихотомичную неравновесную систему, поскольку значимость текстуальной части наделяется большим значением, тогда как визуальная – только иллюстрирующей функцией. Однако немало и тех, кто считает, что книжка-картинка строится на повествовании через последовательное размещение иллюстраций, где текст выполняет вспомогательную роль [Salisbury, Styles, 2012: 7; Bird, Yokota, 2017: 281].

В то же время значительная часть исследователей убедительно показывает, что ее смыслопорождение строится на непростых взаимоотношениях текста и иллюстраций,

когда невозможно отдать главенство только одной знаковой системе [Nikolajeva, Scott, 2000: 226; Nikolajeva, Scott, 2001; Lewis, 2001; Sipe, 2011: 238].

В последнее время все настойчивее звучат предложения рассматривать книжку-картинки как особый объект, который не принадлежит ни живописи, ни литературе или, наоборот, может быть отнесен одновременно к объекту визуального искусства и к литературному жанру. Для ее изучения предлагается развивать особые теории, претендующие на междисциплинарный статус, как в случае с теорией последовательного искусства (sequential art) [Eisner, 1985: 122; Sipe, 2011: 249] или визуальной литературы [Скаф, 2016: 286].

Парадоксальность ситуации в том, что в данном случае не имеет значения, к какой точке зрения исследователь примыкает: в любом случае это не решает проблемы с определением книжки-картинки. Казалось бы, она решается применением классических процедур научного познания: через перечисление характерных черт или атрибутов, которые отличают объект или явление от других смежных с ним. Собственно, этим путем ученые и следуют, выделяя как можно более полный перечень отличительных черт этого жанра: использование и последовательное размещение картинок в процессе повествования, незначительное количество слов на страницу, смыслообразование на основе взаимодействия текста и иллюстрации [Bird, Yokota, 2017: 281]. Построение жанра на разнохарактерном взаимодействии текста и иллюстраций – ключевой атрибут книжки-картинки, поскольку зачастую это определяет специфику формата и композицию всего произведения [Bader, 1976: 1]. На эту характеристику исследователи книжки-картинки указывают настолько часто, что каждый раз пытаются ввести в научный оборот авторский термин для обозначения этого визуально-текстуального взаимодействия. В обобщающем разделе монографии К. Пейнтера, Д. Мартин, Л. Ансворзи я насчитал тринадцать терминов, которые они и другие анализируемые ими авторы придумали, чтобы обозначить хитросплетения, возникающие между визуальными и вербальными частями книжки-картинки [Painter et al., 2013].

Проблема в том, что это только усложняет и запутывает проблему, а не вносит ясность в ее решение. Указанные характеристики, на которых строятся определения книжки-картинки, обнаруживаются практически у всех произведений графической или последовательной литературы. Любой графический роман или комикс – это произведение, построенное на основе синтетического смыслопорождения, обращенного к семантическому потенциалу изображения и слова. Все черты, которые выделяются в определениях книжки-картинки, могут быть приписаны и комиксам, в том числе и целевая аудитория, которой они адресованы.

Более того, сама книжка-картинка не помогает, а усугубляет попытки теоретиков дать ей четкое определение. Будучи подвижным явлением культуры и эволюционирующим жанром литературы, она вбирает в себя черты комикса. Кроме того, существуют бессловесные книжки-картинки (wordless picturebook), в которых слов нет вообще. Наконец, в самом конце XX в. получил развитие жанр постмодернистской книжки-картинки, где некоторые слои смыслов и значений могут быть понятны только взрослыми, обладающими более богатым культурным и читательским опытом по сравнению с детьми, представляющими целевую аудиторию этого жанра.

Конечно, ситуация не настолько безнадежна. У комикса существует ряд черт, которые выделяют его как жанр графической литературы. Его классическая структура представляет собой повествование через панели – отдельные рисунки в рамке, где разыгрывается определенная сцена с персонажами. Другая характерная черта комикса – спич-бабл (speech balloon, speech bubble) – выноска с текстом речи или мыслей персонажей с указанием на героя, к которому принадлежат слова или мысли. Проблема в том, что в иллюстрациях к книжкам-картинкам читатель также может обнаружить панели или использование выносок. И наоборот, в комиксах авторы прибегают к иконографическому языку книжек-картинок с определенными прагматическими целями, например, если хотят

замедлить ход повествования. В целом графические романы могут комбинировать иконографию этих двух жанров, окончательно размывая границу между ними.

Социологический подход к определению книжки-картинки. По моему убеждению, понятийный тупик, в котором оказались исследователи, объясняется особенностями самого объекта анализа и применяемой к нему методологией. Ученые используют процедуры познания классического литературоведения, классической семиотики или иконологии, что сложно приложимо к пониманию постоянно меняющихся и находящихся в процессе эксперимента явлений. Ситуация будет усложняться и далее, по мере того как информационные технологии проникают в искусство и становятся новыми посредниками в процессе смыслопорождения. Уже сегодня книги с дополненной реальностью получают мощное развитие. Это обусловит еще более прозрачную границу между жанрами иллюстрированной литературы, если эти границы все еще будут существовать.

По сути, уже в определениях, которые встречаются в первых системных исследованиях книжки-картинки, можно констатировать попытку ученых выйти за пределы литературоведения и визуальных исследований. Этот выход обозначается в двух моментах: исследователи обратили внимание, во-первых, для кого предназначены книжки-картинки, и, во-вторых, как они читаются.

В монографии «Слова о картинках», где впервые в истории гуманитарных исследований системно исследуется проблематика книжки-картинки, Перри Ноделман в первом же предложении в Предисловии утверждает: «Книжки-картинки – книги, предназначенные для маленьких детей, которые передают информацию или рассказывают истории через серию многочисленных картинок, объединенных с относительно небольшим текстом, или без текста вообще – не похожи ни на какие другие формы вербального и визуального искусства» [Nodelman, 1988: vii]. Отметим особенность определения в том, что оно начинается не с формальных и содержательных признаков изучаемого объекта, а с уточнения целевой аудитории. Конечно, и до и после этой работы понятия «дети» и/или «детство» присутствуют в определениях книжки-картинки. Именно этой чертой наделяет Н. Оп де Бек книжки-картинки: «Они всегда формально и содержательно обозначают детство» [Op de Beeck, 2012: 473]. П. Ноделман рассуждает как раз в духе социологии текста, хотя в его библиографии нет отсылок ни к одному авторитету этого направления, которое, между прочим, проходило свое становление в тот же период, когда вышла его книга. В первом же разделе своей книги он пытается определить книжку-картинку через «потенциального зрителя» (*implied viewer*) [Nodelman, 1988: 1].

Этот аспект – для кого пишется книга и как она интерпретируется – отсылает к положениям социологии текста, где утверждается прямая взаимосвязь между формой текста, его смыслами и практиками чтения [McKenzie, 1999: 18]. Внимание к проблеме чтения и читателя детской книжки-картинки будет постоянно усиливаться в исследованиях.

Р. Палмер указывает, что читатель и особенности чтения выступают для ее исследований ключевыми характеристиками различения комикса и книжки-картинки. В частности, она указывает, что формой и содержанием книжка-картинка предназначается, как правило, для совместного чтения вслух, в то время как комикс – для одиночного молчаливого чтения про себя [Palmer, 2014: 298]. По этой причине Р. Палмер сосредотачивает внимание в своем исследовании на темпе и ритме в комиксе и книжке-картинке. Тут же она указывает на художественные эксперименты, подтверждающие возможность создания комикса, удобного для чтения вслух, и текста книжки-картинки в форме прямой речи.

Однако подобные идеи о возможности разобраться с определением книжки-картинки в ее соотношении с комиксом через анализ разных стратегий чтения ранее высказал Д. Сандерс. Более того, он утверждает, что дальнейшие усилия отличить книжку-картинку от комикса только по формальным признакам бесплодны [Sanders, 2013: 58]. Ученый, анализируя попытки найти путь из сложившейся ситуации через выявление идеологий и культурных установок, определяющих различие двух жанров [Nodelman, 2012: 443], или их философские и идеологические особенности [Op de Beeck, 2012: 468], считает их

неуспешными. Исследователь видит выход из создавшейся ситуации через соотнесение двух стратегий чтения с двумя обсуждаемыми литературными жанрами. Обращаясь к теории Р. Барта, раскрывающей ограничивающую функцию текста по отношению к визуальному материалу, Д. Сандерс выделяет два типа чтения: одиночное чтение про себя и чтение вслух в присутствии другого. Первый тип чтения соотносит с комиксом, второй – с книжкой-картинкой. При этом читающий книжку-картинку – чаще всего речь идет о взрослом человеке или читателе с опытом – может реализовывать различные стратегии цензурирования. Он или она может воспроизводить дословно написанный текст или, преследуя личные цели, осуществлять его «исправление» непосредственно в процессе чтения. Интерпретируя картинки, читающий также имеет возможность фокусировать внимание на определенных деталях, конструировать собственные смысловые цепочки книжки-картинки. В конечном итоге, надзирающее чтение позволяет читателю рассказать историю, которую он захочет, вовлекая в процесс сторителлинга текстовый и визуальный материал книжки-картинки.

Д. Сандерс называет такое чтение сопровождающим – «chaperoning» [Sanders, 2013: 62]. Он уточняет, что комикс также позволяет реализовывать сопровождающее чтение, но только его субъектом выступает одинокий чтец, который «сопровождает» слова, фиксирующие смысл нарисованного, через чтение про себя. Исследователь далее доказывает, что два жанра, предполагающих реализацию противоположных стратегий чтения, отражают эту противопоставленность во внешнем формате книг. Книжка-картинка – большое по размеру, обычно горизонтально структурируемое издание, адаптированное для чтения и рассматривания вдвоем. Твердая обложка, сорт бумаги, качество красок и типографии в целом – даже если издание дешевое – указывают на то, что книга предполагает повторное чтение и по этой причине издается в более прочном формате по сравнению с теми же комиксами, которые первоначально представляли собой одностраничные разделы в детских журналах. Опять же возвращение к одному и тому же произведению указывает на закрепляемость сконструированных при чтении смыслов и контролируемых моделей интерпретации книжки-картинки. Напротив, комикс, издаваемый в форме привычного нам всем журнала, указывает на индивидуальное чтение.

Другим ключевым моментом рассуждений Д. Сандерса является использование понятия «власть» (power), необходимого ему при описании воли, навязываемой чтецом другим, более пассивным, соучастникам процесса через «власть слова» [Sanders, 2013: 64]. Именно эта изначальная потенциальность власти, которая судя по контексту и цели использования этой категории в данном случае является, по моему убеждению, социологической, заложена в формате и специфичных отношениях слова и иллюстрации, указывает на то, что читающим вслух может быть взрослый или во всяком случае обладающий определенным читательским опытом авторитет. Кроме того, эти рассуждения приводят исследователя к одному из промежуточных выводов: книжка-картинка – своеобразный фильтр между миром и ребенком [Sanders, 2013: 70].

Более того, различие двух стратегий чтения объясняет столь колоссальную разницу в общественном восприятии комикса и книжки-картинки. Д. Сандерс указывает, что если обычно претензии у публики и общественности возникают относительно отдельных книжек-картинок, которые, по мнению некоторых членов общества, могут бросать вызов господствующим вкусам и морали, то комикс практически во всем мире вызывает протест в целом как литературная форма и средство культурной трансляции, испорченной в своей основе изначально. Причину такого несправедливого отношения к двум жанрам детской литературы ученый объясняет возможностью контролировать взрослыми чтения книжек-картинок и невозможностью подобного надзора над комиксом. Если книжка-картинка не нравится взрослому непосредственно в процессе чтения, то он может провести разнообразные манипуляции с текстом и с интерпретацией иллюстраций, в частности вставить собственный текст, заменить слово или опустить часть текста. Таким образом, книжка-картинка как бы обладает встроенной потенциальной цензурой, которая может быть применена по усмотрению взрослого читателя.

Такой подход, социологический по сути, позволяет показать чтение как многоцелевой процесс, связанный с обучением и воспитанием. В его рамках происходит социализация ребенка на основе реконструкции взрослым собственного понимания детства в процессе чтения книжек-картинок. Наконец, это формирует ребенка в качестве потребителя рыночной продукции, поскольку современная книжка-картинка является продуктом массового производства.

Для усиления социологической аргументации можно добавить примеры наличия большого количества видеороликов в Интернете, где читатели и иногда сами авторы представляют книжки-картинки, и практически нет роликов, где бы представлялись комиксы. Практически все видео строятся по одной схеме. Чтец демонстрирует на камеру разворот книжки-картинки и читает вслух текст. При этом камера может перемещать фокус на отдельные детали иллюстраций. Опять же форма книжки-картинки способствует подобной интернет-презентации. На мой взгляд, создать подобное видео с комиксами проблематично в силу структурных особенностей жанра. Подобный показ потребовал бы гораздо большего артистизма и фокусировки на большом количестве деталей. Такой ролик значительно бы увеличился по времени и обесмыслил бы саму идею таких презентаций. Это во многом объясняет успешность комикса как источника для голливудских экшен-фильмов.

Выводы. Целью анализа, представленного в данной статье, является не формулирование определения книжки-картинки, а рассмотрение социологизации в качестве успешной методологической стратегии в гуманитарных исследованиях. Я доказываю, что социологические методы позволили исследователям детской литературы, посвятившим свои работы анализу последовательной литературы, выйти из своеобразного тупика, который заключался в невозможности дать определение отдельным жанрам иллюстрированной литературы через описание только их формальных признаков. Это стало возможным, когда внимание было перенесено на особенности чтения и отношения, возникающие в процессе чтения, конструируемые и воспроизводимые в социальных статусах и моделях поведения.

Если классическое литературоведение успешно, когда анализ касается устоявшихся жанров, которые более не меняются в своем развитии, то методологический потенциал социологии приходит на помощь исследованиям, обращающимся к анализу относительно новых синтетических видов текстов, вовлекаемых в интенсивные творческие эксперименты.

Возможно, что у проанализированных исследователей были бы претензии к тому, что их методологию размещают в русле социологического подхода. Во всяком случае, они сами нигде не называют свое исследование социологическим и не делают ссылки на признанных теоретиков социологии текста или социологии литературы. Однако используемая ими терминология и обращение к анализу микросоциологических явлений, как то выстраиваемые *отношения* в процессе чтения, *стратегии* установления власти, выявление механизмов социализации, являются социологическими по сути.

Если контролируемое взрослыми чтение поместить в более широкий контекст воспитания, когда происходит отбор книжек-картинок при покупке, реализация конкретных герменевтических стратегий непосредственно в процессе чтения, практики интерпретации иллюстративного материал в его соотношении с текстом, то мы раскрываем содержание процесса социализации. Именно таким образом в условиях постоянно повторяющихся повседневных ситуаций происходит реализация воли взрослых по отношению к детям. На таких примерах этот процесс обнажается, становятся понятными его конкретные механизмы и процедуры. Сложно не согласиться с тем, что основная установка анализа в приводимых исследованиях оказалась сосредоточенной на выяснении социальных отношений, моделей поведения, способов установления и распределения власти, непосредственных механизмов воспитания. Все это и придает исследованиям социологический пафос, даже если ученый чисто интуитивно идет этим путем.

Дальнейшая перспектива применения социологического подхода к исследованию книжки-картинки мне видится в раскрытии социального контекста воспроизводства культурного кода, используемого в процессе декодирования смыслов книжки-картинки. По сути, контролируемое взрослыми чтение для детей выступает непосредственно социальным механизмом установления, закрепления и воспроизводства конвенциональных отношений внутри знаковых систем разной природы, что позволит значительно обогатить данные другой дисциплины – социальной семиотики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. [Reitblat A.I. (2009) *From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)]
- Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. [Rozov N.S. (2016) *Ideas and Intellectuals in Tide of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education*. Novosibirsk: Manuscript. (In Russ.)]
- Романовский Н.В. Социология и история: перспективы взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3. С. 13–29. [Romanovskiy N.V. (2010) *Sociology and History: Prospects of Interaction*. Vestnik RGGU [RSUH/RGGU Bulletin]. No. 3: 13–29. (In Russ.)]
- Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 93–108. [Savchuk V.V. (2013) *The Phenomenon of Turn in 20th Century Culture*. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Research]. No. 1: 93–108. (In Russ.)]
- Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // Детские чтения. 2016. № 10. С. 285–303. [Scaff M. (2016) *Comics and Picturebooks: On the Limits of Visual Literary Genres*. Detskie chteniya [Children's Reading]. No. 10: 285–303. (In Russ.)]
- Трубицын Д.В. Россия «договорная» и Россия «холопская»: опыт социологизации исторической концепции // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 97–107. [Trubitsyn D.V. (2019) "Agreement-Based" Russia and "Serf" Russia: Sociologizing a Historical Conception. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 6: 97–107. (In Russ.)]
- Angelelli C. (2012) The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies. *Translation and Interpreting Studies*. No. 7: 125–128.
- Barraclough G. (1978) History. In: Havet J. (ed) *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Part II. Vol. I. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers/Unesco: 227–487.
- Bird E., Yokota J. (2017) Picturebooks and Illustrated Books. In: Kümmerling-Meibauer B. (ed.) *Routledge Companion to Children's Literature*. London: Routledge: 281–290.
- Eisner W. (1985) *Comics and Sequential Art*. Guerneville, CA: Eclipse.
- Elton G. (1967) *The Practice of History*. Sydney: Sydney University Press; New York: Crowell; London: Methuen.
- Kümmerling-Meibauer B. (2006) Illustration. In: Zipes J. (ed.) *The Oxford Encyclopedia of Children's Literature*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press: 276–281.
- Lewis D. (2001) *Reading Contemporary Picturebooks: Picturing Text*. London: Routledge Falmer.
- Marantz K. (1983) The Picture Book as Art Object: A Call for Balanced Reviewing. In: Bator R. (ed.) *Signposts to Criticism of Children's Literature*. Chicago: American Library Association: 152–155.
- McKenzie D. (1999) *Sociology of the Text*. Cambridge: The University Press.
- Nikolajeva M., Scott C. (2000) The Dynamics of Picturebook Communication. *Children's Literature in Education*. No. 4: 225–239.
- Nikolajeva M., Scott C. (2001) *How Picturebooks Work*. New York; London: Routledge.
- Nodelman P. (1988) *Words about Pictures: The Narrative Art of Children's Picture Books*. Athens: University of Georgia Press.
- Nodelman P. (2012) Picture Book Guy Looks at Comics: Structural Differences in Two Kinds of Visual Narrative. *Children's Literature Association Quarterly*. No. 4: 436–444.
- Op de Beek N. (2012) On Comics-style Picture Books and Picture-bookish Comics. *Children's Literature Association Quarterly*. No. 4: 468–476.
- Painter C., Martin J.R., Unsworth L. (2013) *Reading Visual Narratives: Images Analysis of Children's Picture Book*. Sheffield; Bristol: Equinox.
- Palmer R. (2014) Combining the Rhythms of Comics and Picturebooks: Thoughts and Experiments. *Journal of Graphic Novels and Comics*. No. 5: 297–310.

- Salisbury M., Styles M. (2012) *Children's Picturebooks: The Art of Visual Storytelling*. London: Laurence King.
- Sanders J. (2013) Chaperoning Words: Meaning-Making in Comics and Picture Books. *Children's Literature*. No. 23: 57–90.
- Sipe L. (2011) The Art of the Picturebook. In: Wolf S.A., Coats K., Ensico P., Jenkins C.A. (eds) *Handbook of Research on Children's and Young Adult Literature*. New York: Routledge: 238–252.
- Tunnell M., Jacobs J. (2013) The Origins and History of American Children's Literature. *The Reading Teacher*. No. 2: 80–86.
- Whalley J. (2004) The Development of Illustrated Texts and Picture Books. In: Hunt P. (ed.) *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. Vol. 1. New York: Routledge: 318–327.
- Wolf M. (2007) The Location of the 'Translation Field'. Negotiating Borderlines between Pierre Bourdieu and Homi Bhabha. In: Wolf M., Fukari A. (eds) *Constructing a Sociology of Translation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins: 109–119.

Статья поступила: 14.10.19. Принята к публикации: 20.12.19.

SOCIOLOGIZATION OF HUMANITARIAN STUDIES: SEARCHING FOR CHILDREN PICTUREBOOK DEFINITION

SERGEEV D.V.

Transbaikal State University, Russia

Dmitrii V. SERGEEV, Dr. Sci. (Philos.), Dean. School of Culture and Arts, Transbaikal State University, Chita, Russia (dvsergeev@inbox.ru).

Abstract. The paper deals with the sociologization of human sciences. Sociologization stands for sociological methodology and terminology application to humanities topics research. Many scholars leave their fields of expertise for sociological accounts of studied phenomenon. On top of that, social relationships account for phenomena and their development scrutinized within human studies. I enumerate fourfold argument for sociologization as an objective process in human sciences. First, sociologization impacted many different fields quite distant from each other, such as history and theory of translation. Second, a crossing of sociology with a particular branch of human science is marked by emergence of a new discipline related to sociology, such as historical sociology and sociology of translation sticking to the above-mentioned example. Third, there might be different sociologized disciplines within one field of expertise, such as historical sociology of literature, sociology of text and social semiotics to investigate literary texts, which are a prime object of my analysis in the paper. Fourth, sociology tends to replace philosophy to become a new metalanguage within human studies. I demonstrate efficiency of sociological approach using the example of attempted picturebooks definitins as a children literature genre or visual art. Efforts to define picturebook by applying classical methodology of literary and visual studies had been unsuccessful because of (1) the structural and content similarity of sequential literature genres and (2) continuing artistic experiments by picturebook authors. It turns out that picturebooks and comics might have much more in common than it was thought previously. Therefore, scholars were caught in a terminological impasse. The sociological methodology, namely ideas of sociology of text, yields a distinction of picturebook from comics in the description of different reading situations two genres anticipate. Although researchers, analyzed in the paper, do not portrait their approach as a sociological one, the applied methods and used terms refer to sociology of text.

Keywords: sociologization, sociology of text, cultural text, illustrated literature, picturebook, comics.

Received: 14.10.19. Accepted: 20.12.19.